

F. Engels

Ф.ЭНГЕЛЬС

**Крестьянский вопрос
во Франции
и Германии**

Фридрих Энгельс
КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС
ВО ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ

Ответственные за выпуск *В. В. Негодин, О. П. Осипова*
Технический редактор *Е. В. Васильевская*
Корректоры *Л. Ф. Коломийцева, Н. И. Сидякина*

ИБ № 4248

Сдано в набор 19.09.83. Подписано в печать 26.12.83. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать вы-
сокая. Условн. печ. л. 1,68. Условн. кр.-отт. 1,89. Учетно-изд. л. 1,67.
Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 3796. Цена 5 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «VORWÄRTS»	3
КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС ВО ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ	5
I	7
II	19
<i>Примечания</i>	28

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ф.ЭНГЕЛЬС

**Крестьянский вопрос
во Франции
и Германии**

Москва
Издательство
политической литературы
1984

Энгельс Ф.

K80 Крестьянский вопрос во Франции и Германии.— М.: Политиздат, 1984.— 31 с.

Работа Ф. Энгельса — одна из основополагающих марксистских работ по аграрному вопросу. Непосредственно направленная против зарождавшегося ревизионизма в партиях Второго Интернационала, она наполнена глубоким позитивным содержанием, в ней подытоживаются взгляды Маркса и Энгельса на крестьянство как на основного союзника пролетариата, обосновывается необходимость дифференцированного подхода к нему, рассматриваются способы социалистического переустройства сельского хозяйства.

Идеи Энгельса были творчески развиты В. И. Лениным в его работах по социалистическому преобразованию деревни.

Э $\frac{0101010000-032}{079(02)-84}$ 12-84

11.26+63.3(0)52+65.011
ЗК13+33.041+9(М)32

По сообщениям партийной печати, товарищ Фольмар¹, выступая в прениях по аграрному вопросу на Франкфуртском партийном съезде 25 октября, сослался на решения съезда французских социалистов в Нанте², «получившие *прямое одобрение Фридриха Энгельса*». Согласно сообщению газеты «Vorwärts» от 10 ноября, это утверждение распространяет также и печать наших противников³. Я вынужден поэтому заявить, что в данном случае произошла ошибка и что Фольмар, очевидно, располагает в отношении меня совершенно неверной информацией.

Насколько мне помнится, я направил во Францию в связи с Нантской программой только два уведомления. Первое, сделанное *до* съезда в ответ на запрос одного французского товарища *, сводилось к следующему: развитие капитализма неминуемо ведет к уничтожению мелкокрестьянской земельной собственности. Наша партия отдает себе в этом вполне ясный отчет, но у нее нет решительно никаких оснований собственным вмешательством еще более ускорять этот процесс. Поэтому против правильно намеченных мер, имеющих целью сделать для мелких крестьян их неизбежную гибель менее мучительной, принципиально ничего возразить нельзя; но если идут дальше, если желают навеки сохранить мелкого крестьянина, то стремятся, по моему мнению, к экономически невозможному, жертвуют принципом, встают на реакционную точку зрения.

Во втором уведомлении, *после* съезда, я высказал лишь предположение, что в кругу социалистов наши французские друзья останутся одиночками в своей попытке увековечить не

* По-видимому, П. Лафарга⁴. *Ред.*

только мелкого крестьянина-собственника, но и мелкого арендатора, эксплуатирующего чужой труд.

Итак, поскольку я вообще высказывался по этому вопросу, я утверждал как раз обратное тому, что сообщили Фольмару.

Но раз уж меня впутали в это дело, то, по-видимому, мне не остается ничего другого, как высказать более определенно свои взгляды. Поэтому я предполагаю поместить в «Neue Zeit» небольшую статью с изложением и обоснованием своей точки зрения *.

Ф. Энгельс

Лондон, 12 ноября 1894 г.

*Напечатано в газете «Vorwärts»,
1894, 16 ноября, № 268
и в приложении к газете
«Der Sozialdemokrat»,
1894, 22 ноября, № 43*

*Печатается по тексту Сочинений
К. Маркса и Ф. Энгельса, 2-е изд.,
т. 22, с. 499—500*

* См. настоящее издание, с. 5—27. *Ред.*

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС ВО ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ⁵

Буржуазные и реакционные партии дивятся необычайно, что в настоящее время внезапно у социалистов встал повсюду на очередь крестьянский вопрос. Им следовало бы, собственно, удивляться тому, что это не произошло уже давно. От Ирландии до Сицилии, от Андалузии до России и Болгарии крестьянин является весьма существенным фактором населения, производства и политической силы. Исключением являются только две области Западной Европы. В собственно Великобритании крупное землевладение и крупное земледелие совершенно вытеснили живущего своим хозяйством крестьянина; в ост-эльбской Пруссии происходит в течение уже нескольких столетий тот же самый процесс, и здесь также крестьянин все более и более «устраняется» * или, по крайней мере, отодвигается на задний план в экономическом и политическом отношении.

В качестве фактора политической силы крестьянин до сих пор проявляет себя в большинстве случаев только своей апатией, которая коренится в изолированности деревенской жизни. Эта апатия широкой массы населения есть сильнейшая опора не только парламентской коррупции в Париже и в Риме, но также и русского деспотизма. Но эта апатия отнюдь не непреодолима. С тех пор как возникло рабочее движение, западноевропейским буржуа, особенно в тех местах, где преобладает парцелльная крестьянская собственность, не очень-то трудно было возбуждать в крестьянах подозрение и ненависть к социалистическим рабочим, разрисовывать этих последних перед крестьянской фантазией как *partageux*, как

* Wird «gelegt». Bauernlegen — технический термин изгнания, экспроприации крестьян в истории Германии. (Примечание В. И. Ленина к сделанному им переводу начала работы Энгельса).

сторонников «дележки», как ленивых, жадных горожан, покушающихся на крестьянскую собственность. Неясные социалистические порывы февральской революции 1848 г. были быстро сметены реакционным голосованием французских крестьян; крестьянин, хотевший, чтобы его оставили в покое, излек из кладезя своих воспоминаний легенду о крестьянском императоре Наполеоне и создал Вторую империю. Все мы знаем, чего стоил французскому народу один этот подвиг крестьянства; от последствий этого подвига страдает французский народ и по сию пору.

Но с тех пор многое переменялось. Развитие капиталистической формы производства перерезало жизненный нерв у мелкого производства в сельском хозяйстве, и это мелкое производство гибнет и приходит в упадок неудержимо. Конкуренция Северной и Южной Америки и Индии засыпала европейский рынок дешевым хлебом, до того дешевым, что с ним не мог конкурировать ни один европейский производитель. На крупного землевладельца и на мелкого крестьянина, на обоих одинаково надвигается гибель. А так как они оба землевладельцы и деревенские жители, то крупный землевладелец объявляет себя передовым борцом за интересы мелкого крестьянина, и мелкий крестьянин — в общем и целом — признает его борцом за свои интересы.

А между тем на Западе выросла могучая социалистическая рабочая партия. Смутные предчувствия и стремления эпохи февральской революции прояснились, стали шире и глубже, превратились в удовлетворяющую всем требованиям науки программу с определенными, осязательными требованиями; постоянно растущее число социалистических депутатов отстаивает эти требования в германском, французском, бельгийском парламентах. Завоевание политической власти социалистической партией стало делом недалекого будущего. Но чтобы завоевать политическую власть, эта партия должна сначала из города пойти в деревню, должна сделаться силой в деревне. Социалистическая партия, которая отличается от других партий ясным пониманием связи экономических причин с политическими последствиями, которая благодаря этому и открыла уже давно волчий облик под овечьей шкурой крупного помещика, навязывающегося в друзья крестьянину, — может ли эта партия спокойно оставить обреченного на гибель крестьянина в руках его лжезащитников, оставить до тех пор, пока крестьянин не будет превращен из пассивного в активного противника промышленных рабочих? И вот — мы в центре крестьянского вопроса.

I

Сельское население, к которому мы можем обратиться, состоит из весьма различных составных частей, которые в свою очередь различаются еще по отдельным местностям.

На западе Германии, как и во Франции и в Бельгии, господствует мелкое производство парцелльных крестьян, которые большей частью являются собственниками, в меньшинстве случаев — арендаторами своих кусочков земли.

На северо-западе — в Нижней Саксонии и Шлезвиг-Гольштейне — преобладают крупные и средние крестьяне, которые не могут обходиться без батраков, батрачек и даже поденщиков. То же самое — в известной части Баварии.

В ост-эльбской Пруссии и в Мекленбурге мы имеем область крупного землевладения и крупного производства с дворовой челядью, батраками и поденщиками, а кое-где, в сравнительно небольшом и постоянно убывающем числе, — мелких и средних крестьян.

В Средней Германии мы встречаем смесь всех этих форм производства и землевладения в различных пропорциях, в зависимости от местности, причем ни одна из этих форм не получает преобладания на сколько-нибудь крупной площади.

Кроме того, есть местности различных размеров, в которых собственная или арендованная пашня недостаточна для пропитания семьи и служит лишь базисом для какого-нибудь кустарного промысла, делая для него возможными низкие, непостижимо низкие без этого условия, размеры заработной платы, которые обеспечивают прочный сбыт продуктам при какой бы то ни было чужестранной конкуренции.

Какие же из этих подразделений сельского населения могут быть привлечены к социал-демократической партии? Мы исследуем этот вопрос, само собой разумеется, лишь в

общих чертах; мы подвергнем рассмотрению только резко выраженные формы; недостаток места не позволяет нам остановиться на промежуточных ступенях и на случаях смешанного состава сельского населения.

Начнем с мелкого крестьянина. Из всех крестьян этот разряд — самый важный, и не только для Западной Европы вообще. Нет, и по отношению ко всему вопросу центр тяжести лежит именно в этом разряде. Раз мы выяснили себе наше отношение к мелкому крестьянину, мы имеем уже все опорные пункты для определения нашего отношения к остальным составным частям сельского населения.

Под мелким крестьянином мы понимаем здесь собственника или арендатора — в особенности собственника — кусочка земли, не больше того, что он может, по общему правилу, обработать при помощи своей собственной семьи, и не меньше того, что прокармливает его семью. Таким образом, этот мелкий крестьянин, как и мелкий ремесленник, есть рабочий, отличающийся от современного пролетария тем, что он еще владеет своими средствами труда; это, следовательно, остаток такого способа производства, который принадлежит уже прошлому. От своего предка, крепостного, зависимого или, в случаях редкого исключения, свободного, но обязанного оброком и барщиной крестьянина, он отличается в тройном отношении. Во-первых, тем, что французская революция освободила его от феодальных поборов и повинностей, которыми он обязан был помещику, и в большинстве случаев, по крайней мере на левом берегу Рейна, обеспечила ему его крестьянский участок как его свободную собственность. Во-вторых, тем, что он лишился защиты самоуправляющейся общины, членом которой он был, а вместе с тем лишился и своей доли в праве пользования старинной общинной землей. Общинная земля мошенически была отнята у него частью бывшим его феодальным господином, частью либеральным, основанным на римском праве, бюрократическим законодательством, и современный мелкий крестьянин лишился тем самым возможности содержать свой рабочий скот без покупки кормов. А в отношении хозяйственном потеря права на общинную землю с избытком перевешивает отмену феодальных поборов; число крестьян, не имеющих возможности содержать рабочий скот, возрастает непрерывно. В-третьих, теперешний крестьянин отличается тем, что он потерял половину своей прежней производительной работы. Прежде он со своей семьей сам производил из добытого им же сырья большую часть тех продуктов промышленности, в которых он нуждался; остальные его нужды удовлетворяли деревенские соседи, занимав-

шиеся ремеслом наряду с земледелием и получавшие плату большей частью в виде даваемых им в обмен продуктов или оказываемых им взаимных услуг. Семья, а еще в большей мере деревня, довела сама себе, производила почти все, что ей было нужно. Это было почти полное натуральное хозяйство, в деньгах почти что совсем и не нуждались. Капиталистическое производство положило этому конец посредством денежного хозяйства и крупной промышленности. А если общинная земля была первым основным условием существования крестьянина, то промышленный подсобный промысел был вторым таким условием. И вот крестьянин падает все глубже и глубже. Налоги, неурожай, разделы между наследниками, судебные процессы гонят одного крестьянина за другим к ростовщику, задолженность распространяется все шире и становится для каждого в отдельности все тяжелее, — одним словом, наш мелкий крестьянин, как и всякий пережиток отжившего способа производства, неудержимо идет к гибели. Он — будущий пролетарий.

В качестве такового он должен был бы охотно прислушиваться к социалистической пропаганде. Но этому пока еще препятствует вошедшее у него в плоть и кровь чувство собственности. Чем тяжелее становится для него борьба за его клочок земли, подвергающийся стольким опасностям, тем с более упорным отчаянием цепляется он за него, тем более склонен он видеть в социал-демократе, говорящем ему о передаче земельной собственности в руки всего общества, столь же опасного врага, как в ростовщике и адвокате. Какими средствами должна социал-демократия бороться с этим предубеждением? Что может она предложить гибнущему мелкому крестьянину, не изменяя самой себе?

Мы имеем тут практическую точку опоры в аграрной программе французских социалистов марксистского направления, и эта программа заслуживает тем большего внимания, что она исходит из классической страны мелкого крестьянского хозяйства.

На Марсельском съезде в 1892 г. была принята первая аграрная программа партии⁶. Она требует для безземельных сельскохозяйственных *рабочих* (то есть поденщиков и дворовой челяди): минимума заработной платы, установленного профессиональными союзами и общинными советами; введения сельских промысловых судов, состоящих наполовину из рабочих; запрещения продажи общинной земли и сдачу государственных земель в аренду общинам, которые должны сдавать всю эту землю — и свою собственную и арендованную — ассоциациям семей безземельных сельскохозяйственных ра-

бочих для совместной обработки, с запрещением применять наемных рабочих и под контролем общины; пенсий по старости и инвалидности, которые покрывались бы особым налогом на крупную земельную собственность.

Для *мелких крестьян*, к которым здесь относят также и арендаторов, программа требует: приобретения общинами сельскохозяйственных машин для сдачи их по себестоимости в наем крестьянам; создания крестьянских товариществ для покупки удобрения, дренажных труб, семян и т. п. и для продажи продуктов; отмены налога, взимаемого при переходе из одних рук в другие собственности на земельные участки, если стоимость их не превышает 5 000 франков; учреждения посреднических комиссий по ирландскому образцу с целью снижения чрезмерных арендных цен и для возмещения уходящим арендаторам и издольщикам (*métayers*) за осуществленное ими повышение стоимости участка земли; отмены статьи 2102 *Code civil* *, дающий земельному собственнику право отбирать за долги урожай, и лишения кредиторов права накладывать арест на хлеб на корню; запрещения накладывать арест на определенный минимум сельскохозяйственных орудий, урожая, семян, удобрения, рабочего скота, — одним словом, всего того, без чего крестьянин не может вести свое хозяйство; ревизии давно устаревшего общего земельного кадастра, а пока — местной ревизии в каждой общине; наконец, бесплатного сельскохозяйственного специального образования и организации сельскохозяйственных опытных станций.

Мы видим, что требования, выставляемые в интересах крестьян — требований в интересах рабочих мы здесь пока касаться не будем, — идут не очень далеко. Часть их в других странах уже осуществлена. Посреднические суды для арендаторов определенно строятся по ирландскому образцу. Крестьянские товарищества уже существуют в прирейнских областях. Ревизия кадастра составляет во всей Западной Европе постоянное благое пожелание всех либералов и даже бюрократов. Остальные пункты программы также могут быть осуществлены без особого ущерба для существующего капиталистического строя. Мы говорим это только для характеристики программы, отнюдь не в упрек ей, — наоборот.

При помощи этой программы партия добилась у крестьян самых различных областей Франции таких больших успехов, что — аппетит ведь приходит во время еды — нашим французским товарищам захотелось еще больше приспособо-

* — Гражданского кодекса. *Ред.*

бить ее ко вкусу крестьян. При этом чувствовали, правда, что встают на опасный путь. Как можно помочь крестьянину, — не как будущему пролетарию, а как нынешнему крестьянину-собственнику, — не нарушая основных принципов общей социалистической программы? Чтобы предупредить это возражение, новым практическим предложениям предпослана теоретическая мотивировка, пытающаяся доказать, что в принципы социализма входит защита мелкой крестьянской собственности от гибели при капиталистическом способе производства, хотя самим авторам совершенно ясно, что гибель эта неизбежна. Эту мотивировку, равно как и самые требования, принятые в сентябре нынешнего года на Нантском съезде, мы рассмотрим теперь подробнее.

Мотивировка начинается следующим образом:

«Принимая во внимание, что, согласно дословному тексту общей программы партии, производители могут быть свободны лишь при условии, если они владеют средствами производства;

принимая во внимание, что если в области промышленности эти средства производства уже достигли такой степени капиталистической централизации, что могут быть возвращены производителям только в коллективной или общественной форме, то — по крайней мере в нынешней Франции — дело обстоит совершенно иначе в области сельского хозяйства, где средство производства, а именно земля, в очень многих местах находится еще в качестве индивидуального владения в руках отдельных производителей;

принимая во внимание, что, хотя это положение, характеризующее парцелльную собственность, неминуемо обречено на гибель (*est fatalement appelé a disparaître*), социализм тем не менее не призван ускорять эту гибель, так как его задача состоит ведь не в том, чтобы отделять собственность от труда, а, напротив, в том, чтобы соединить в одних руках оба эти фактора всякого производства, разделение которых ведет к рабству и нищете работников, низведенных до положения пролетариев;

принимая во внимание, что если, с одной стороны, обязанность социализма состоит в том, чтобы снова ввести сельскохозяйственных пролетариев во владение — в коллективной или общественной форме — крупными имениями после экспроприации их нынешних праздных собственников, то, с другой стороны, не менее настоятельная обязанность социализма состоит в том, чтобы защищать владение живущего своим трудом крестьянина против фиска, ростовщика и против посягательств со стороны вновь возникших крупных землевладельцев;

принимая во внимание, что целесообразно также распространить эту защиту и на тех производителей, которые под именем арендаторов или издольщиков (*métayers*) обрабатывают чужую землю и которые, даже когда они эксплуатируют поденщиков, в известной мере вынуждены к этому эксплуатацией, тяготеющей над ними самими —

Рабочая партия, которая в противоположность анархистам не рассчитывает, для преобразования общественного строя, на рост и распространение нищеты, а ждет освобождения труда и всего общества только от организации и совместных усилий трудящихся как

города, так и деревни, когда они захватят исполнительную и законодательную власть,—эта Рабочая партия приняла следующую аграрную программу, чтобы объединить для совместной борьбы против общего врага, феодального землевладения, все элементы сельского производства, все виды деятельности, которые на различных юридических основаниях имеют прямое отношение к эксплуатации земли страны».

Рассмотрим теперь несколько подробнее эти «мотивировки».

Прежде всего, то положение французской программы, что предпосылкой для свободы производителей является владение средствами производства, следует дополнить непосредственно следующим за ним положением о том, что владение средствами производства возможно только в двух формах: либо как индивидуальное владение, которое в качестве общей формы для всех производителей не существовало никогда и нигде и которое с каждым днем все более исключается промышленным прогрессом, либо как общее владение, то есть в форме, материальные и интеллектуальные предпосылки которой созданы уже самим развитием капиталистического общества; что, следовательно, необходимо всеми средствами, какие имеются в распоряжении пролетариата, вести борьбу за переход средств производства в *общее* владение.

Таким образом, общее владение средствами производства выдвигается в программе как единственная главная цель, которой надо добиваться. И не только в области промышленности, где почва уже подготовлена, но и повсюду, а значит и в земледелии. Индивидуальное владение, согласно программе, никогда и нигде не существовало в качестве формы, общей для всех производителей; именно поэтому, а также потому, что оно и без того устраняется промышленным прогрессом, социализм заинтересован вовсе не в его сохранении, а в его устранении; ведь там, где и поскольку оно существует, становится невозможным общее владение. Уж если ссылаться на программу, то надо ссылаться на всю программу в целом, что существенно изменяет цитированное положение нантской мотивировки, ибо ставит выраженную в нем общеисторическую истину в зависимость от таких условий, при которых эта истина только и может теперь сохранять свою силу для Западной Европы и Северной Америки.

Владение отдельных производителей средствами производства не дает уже им в наше время настоящей свободы. Ремесло в городах уже подорвано, а в таких крупных городах, как Лондон, даже совершенно исчезло, заменено крупной промышленностью, потогонной системой и жалкими дельцами, для которых банкротство является источником су-

ществования. Живущий своим хозяйством мелкий крестьянин и не уверен во владении своим клочком земли и не свободен. Как сам он, так и его дом, его двор, его небольшое поле принадлежат ростовщику; его существование более ненадежно, чем существование пролетария, которому по крайней мере хоть изредка выпадает спокойный денек, чего никогда не бывает с измученным рабом долгов. Вычеркните статью 2102 Гражданского кодекса, обеспечьте крестьянину по закону резерв земледельческих орудий, скота и т. п., который запрещается брать в залог, — и вы все-таки не избавите его от безвыходного положения, когда он должен «добровольно» продавать свой скот, продаваться сам, и телом и душой, ростовщику, чтобы купить себе на короткое время отсрочку от гибели. Ваша попытка защитить мелкого крестьянина в его собственности, защищает не его свободу, а лишь особую форму его рабства; она затягивает существование такого положения, при котором он не может ни жить, ни умереть; ссылка на первый абзац вашей программы поэтому здесь совершенно неуместна.

В мотивировке говорится, что в нынешней Франции средство производства, а именно земля, в очень многих местах находится еще в качестве индивидуального владения в руках отдельных производителей; задача же социализма состоит — не в том, чтобы отделять собственность от труда, а, напротив, в том, чтобы соединить в одних руках оба эти фактора всякого производства. — Как уже отмечено, это последнее в такой общей форме никоим образом не является задачей социализма; его задача состоит, скорее, лишь в передаче средств производства производителям в их *общее владение*. Как только мы упускаем это из виду, вышеупомянутое положение тотчас же приводит нас к той ошибочной мысли, будто социализм призван превратить нынешнюю мнимую собственность мелкого крестьянина на его поле в действительную, то есть мелкого арендатора сделать собственником, а обремененного долгами собственника превратить в собственника, свободного от долгов. Социализм, разумеется, заинтересован в том, чтобы эта ложная видимость крестьянской собственности исчезла, но не таким способом.

Во всяком случае, дело дошло до того, что в мотивировочной части программы нашли возможным прямо заявить, будто обязанность социализма, и даже его настоящая обязанность

«защитить владение живущего своим трудом крестьянина против фиска, ростовщика и против посягательств со стороны вновь возникших крупных землевладельцев».

Тем самым мотивировка объявляет настоятельной обязанностью социализма совершить нечто такое, что в предыдущем абзаце она признала невозможным. Она поручает ему «защищать» парцелльную собственность крестьян, хотя сама же утверждает, что эта собственность «неминуемо обречена на гибель». Фиск, ростовщик, вновь возникшие крупные землевладельцы — что же это такое, как не простые орудия, посредством которых капиталистическое производство осуществляет эту неизбежную гибель? Какими средствами должен был бы «социализм» защитить крестьянина от этой троицы, мы увидим ниже.

Но требуется защитить собственность не только мелкого крестьянина. Наряду с этим:

«Целесообразно также распространить эту защиту и на тех производителей, которые под именем арендаторов или издольщиков (*métayers*) обрабатывают чужую землю и которые, даже когда они эксплуатируют поденщиков, в известной мере вынуждены к этому эксплуатацией, тяготеющей над ними самими».

Здесь уж мы переходим на совсем особую почву. Социализм специально направлен против эксплуатации наемного труда. А здесь объявляется настоятельной обязанностью социализма защищать французских арендаторов, когда они «эксплуатируют поденщиков», — так и сказано дословно! И это потому, что эти арендаторы в известной мере вынуждены к этому «эксплуатацией, тяготеющей над ними самими»!

Как легко и приятно катиться вниз, раз уже попал на наклонную плоскость! А что если крупный и средний немецкий крестьянин придет к французским социалистам и попросит их похлопотать перед Правлением германской партии о том, чтобы Социал-демократическая партия Германии оказала ему поддержку в деле эксплуатации его батраков и батрачек, ссылаясь при этом на «тяготеющую над ним самим эксплуатацию» со стороны ростовщика, сборщика налогов, спекулянта хлебом и торговца скотом, — что они ответят ему? И кто поручится, что и наши крупные аграрии не пошлют к ним графа Каница⁷ (он ведь тоже внес аналогичное предложение о передаче импорта хлеба в руки государства), чтобы тоже испросить у социалистов поддержку в деле эксплуатации сельскохозяйственных рабочих, ссылаясь на «тяготеющую над ними самими эксплуатацию» со стороны биржи, ростовщика, спекулянта хлебом?

Надо, впрочем, сказать, что у наших французских друзей вовсе нет такого злого умысла, как это может показаться. В приведенном выше абзаце имеется в виду лишь один совершенно особый случай, а именно, следующий: на севере